

УДК 94(410).06

Аннотация: период наивысшего взлёта и падения герцога Мальборо приходился на период правления Анны Стюарт. Его слава и положение во многом зависели именно от отношения к нему королевы. Это отношение коренным образом изменилось от лучшего к худшему на 6-7 годах её царствования, что в множестве исторических трудов объясняется интригами противников герцога при дворе. В данной статье предпринята попытка взглянуть на ситуацию глазами Анны Стюарт и выяснить, как и в чём взгляды на королевские интересы самой королевы и герцога расходились настолько, что из героя он превратился для неё в одного из опаснейших врагов.

Статья подготовлена в ходе проведения исследования (№ 17-05-0051) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2016- 2017 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации "5-100".

Ключевые слова: Анна Стюарт, первый герцог Мальборо, парламент, английская корона

Кирилов Д. А.

НИУ «Высшая школа экономики», магистерская программа «Историческое знание»

legatuslegionisxx@gmail.com

Герцог Мальборо: друг и враг английской короны

Период наибольшего взлета и падения герцога Мальборо приходится на время правления Анны Стюарт (1702-1714). На момент восшествия королевы на престол жена герцога, Сара Черчилль, была ближайшей подругой Анны. Близким к королеве человеком был и Джон Мальборо [1]. Вдвоём они, в

сущности, были теми людьми, которым королева безоглядно доверяла, что отразилось на их назначениях: Сара получила высший придворный чин, а герцог спустя короткое время звание генерал-капитана и позицию главнокомандующего английскими войсками в войне за испанское наследство. Это вряд ли позволяет полагать, что королева оказалась под контролем четы Мальборо: она независимо от них (в особенности от Сары – убежденной сторонницы вигов) назначила в кабинет министров множество радикальных тори, которых считала своими сторонниками. Однако королева была убеждена в верности и дружбе Мальборо, а потому он, вне всяких сомнений, имел на нее немалое влияние.

Фактически с первого же года войны Мальборо получил на откуп все военные дела, в которых он, в отличие от королевы, блестяще разбирался. Сюда относится и назначение Сидни Годольфина, друга Мальборо, на ключевой для военного финансирования пост Лорда-казначея в Кабинете [2]. Парламент был настроен воевать, Мальборо же искренне полагал, что разгром Франции как ничто иное послужит интересам королевы, и она разделяла эти взгляды. Однако она также разделяла взгляды назначенных в кабинет тори, стремившихся провести ограничивающий права протестантов-неангликан билль [3]. Мальборо выступал против этого билля, и королева колебалась. Из-за её нерешительности тори начали угрожать короне отменой военного финансирования, раскрыв свое истинное лицо. В 1705 году в преддверии новых выборов в парламент королева решительно удалила радикальных тори с их постов, выстроив взамен беспартийный кабинет [4]. Этот тривиальный эпизод на деле обладал огромной важностью.

Придя к власти, королева Анна, неискушенная в политике, обладала архаичными для этого времени взглядами. Она смотрела на парламент в категориях «двора и страны»: виги были для неё бунтовщиками-республиканцами, оппозицией, в то время как тори казались партией двора. Противодействие тори изменило её видение, она стала понимать, что партии,

как бы они себя не называли, преследуют лишь свои партийные интересы. Они открыто нарушали «её королевскую прерогативу», на что королева не собиралась закрывать глаза. Её решение выстроить беспартийный кабинет было принято не без участия Мальборо и Годольфина – хотя формально они были тори, их первостепенную лояльность короне Анна не ставила под сомнение. И в письмах между собой генерал-капитан и лорд-казначей были вполне согласны, что партии лучше держать от кабинета подальше [5].

После обновления кабинета министров в нём не осталось никого, кто был бы способен оспорить лидерство Джона Мальборо и Сидни Годольфина. Они стали «дуумвирами» - их отношения с королевой были безоблачными, а позиции на политической арене крепкими, как никогда. «Все, чего я хочу – это свободы поощрять и нанимать тех, кто готов добросовестно служить мне: и тори, и вигов, лишь бы они не были привязаны ни к тем, ни к другим; ибо я не могу представить себе большее несчастье, нежели попасть в руки тех или иных – являясь королевой, я на деле буду их рабыней, что станет как моей личной погибелью, так и погибелью всего кабинета; вместо того, чтобы положить конец партиям, мы зложим для них прочный фундамент» - писала королева в 1706 году [3]. Мальборо, чья карьера всегда была тесно связана с двором, соглашался с её взглядами – после ссоры с тори его позиции зависели от позиций самой королевы. Однако отношения их вряд ли ограничивались прагматикой. Громкие победы Мальборо на континенте вызывали восторг королевы, и она щедро благодарила его за них титулами и средствами [5]. И все же в самой идее независимого от партий кабинета было заложено семя раздора, которое взрастет уже позже.

Время королевы Анны было временем войны между партиями – их борьба была слабо институционализированной и потому яростной [1]. Партии, чья сущность до сих пор является предметом дебатов, обладали одной важной чертой: они во что бы то ни стало стремились получить места в кабинете, чтобы иметь возможность управлять страной и влиять на ход войны за

испанское наследство. Это не устраивало королеву, потому что она стремилась защитить свою прерогативу; это не устраивало Мальборо, потому что не желал лишаться контроля над войной. Однако королева и дуумвиры находились в разном положении. В период с 1705 по 1707 годы партии в палате общин находились в относительном равновесии, и Годольфину удавалось играть на их противоречиях. Положение дуумвиров облегчалось и тем, что взгляды вигов во многом совпадали с их собственными: они выступали за активное ведение войны на континенте. Более того, виги поддерживали проект унии с Шотландией, горячим сторонником которого была королева. Это, однако же, вовсе не означало улучшения её отношения к ним.

Непримиримая позиция королевы – непримиримая из-за желания защитить свою прерогативу - становилась все более и более неудобной для дуумвиров в течение 1707 года. Виги упорно настаивали на назначения в кабинет, угрожая отменой военного финансирования и ведя себя агрессивно в отношении короны [5]. Ведущие лорды-виги, «Хунта вигов», желали награды за свою поддержку войны и унии, что казалось многим справедливыми притязаниями. В подобных условиях Мальборо и Годольфин оказались между двух огней: нежеланием сотрудничать со стороны парламента, со стороны королевы - упорным отказом идти на компромисс с партией. Выбора у дуумвиров было немного – Годольфин первым начал консультироваться с вигами по важным вопросам. Вскоре в переписку с ними вступил и Мальборо. Не согласен с коллегами по кабинету был Роберт Харли, убеждавший королеву не допускать вигов до должностей [6].

Как уже было сказано, у дуумвиров не имелось расхождения с вигами по ключевым вопросам. И те и те поддерживали принцип протестантского престолонаследия, хотели видеть Мальборо во главе активных боевых действий против Франции, удовлетворялись статусом-кво в сложившейся после Славной революции политической системе. Безусловно, герцог пошёл на соглашение с вигами ради успешного, на его взгляд, завершения войны.

На вопрос же о том, почему он так стремился воевать, возможных ответов много: ради выполнения своих обязательств перед союзниками [7] преследуя интересы королевы (в его понимании), наконец, ради самой войны и власти. Вероятно, все из вышеперечисленного верно; кажется, дуумвиры действительно были убеждены, что допуск вигов является необходимым злом для соблюдения интересов королевы - они неустанно указывали королеве, что это будет в её истинных интересах [4]. Так или иначе, дуумвиры начали всеми силами убеждать королеву ввести вигов в кабинет, чтобы война могла быть продолжена. Именно тогда дуумвиры, как кажется, пересекли точку невозврата.

Из писем королевы ясно, что она огромное значение уделяла своей независимости – она должна была быть уверена, что её кабинет лоялен именно ей. Начав агитировать за партию, Мальборо, несмотря на свои уверения в личной верности, показал себя не с лучшей стороны. Чем больше он и Годольфин настаивали на введение вигов в кабинет, тем больше королева сопротивлялась; однажды лорд-казначей даже довёл королеву до слёз. «Королева намерена смотреть на эту ситуацию лишь как на личное состязание во власти» - жаловался Годольфин герцогу [4]. К 1708 году мало что осталось и от дружбы королевы с Сарой Черчилль, чья про-вигская пропаганда не могла не действовать королеве на нервы. Мальборо понимал, что его позиции становятся непрочными. «Я не удивлен, поскольку прекрасно понимаю, что теплоты больше нет» - писал он Годольфину, ошибаясь, однако, в отношении причин холодности королевы [4]. Мальборо, как и многие историки [8], полагал, что причины кроются в наветах Роберта Харли и его сторонников. Однако одних наветов для упрямой королевы было недостаточно: она явно ощущала себя правой, потому что не могла больше быть уверенной в герцоге, не чувствовала разницы между ним и партиями.

Когда виги всё же были допущены королевой в кабинет – у неё не оставалось иного выбора - отношения её с Мальборо были разрушены. Она не

позвала его на похороны мужа [4] – герцог был для неё теперь не другом, а вигом, партийные интересы для которого стали важнее её собственных интересов. Он работал с людьми, насильно отнявшими у неё власть, он использовал своё влияние, чтобы продвинуть их интересы в парламенте. Никакие оправдания и письма уже не могли вернуть её расположения.

Именно поэтому развязка в отношениях герцога и королевы, столь неожиданная тогда для многих, вовсе не выглядит столь удивительной. Она поступила с Мальборо как с вигом и личным врагом – с её подачи герцог был судим парламентом, обвинён в присвоении средств и лишен своего поста генерал-капитана. Это был жестокий удар, но приемлемый для политического врага – ведь «теплоты больше нет».

Своим исключительным взлетом и падением герцог Мальборо был в равной степени обязан расположению королевы Анны. Эта королева приближала к себе лишь тех людей, в чьей лояльности она могла не сомневаться. Быть королевой значило для неё оставаться свободной от партий – свободной в назначении министров и определении политического курса. Мальборо действительно считал себя верным слугой короны, однако его понимание королевских интересов отличалось от понимания их самой королевой. Настаивая на введении в кабинет вигов, что означало для королевы потерю самостоятельности, он фактически требовал от неё перестать быть королевой. Так из героя в глазах королевы он превратился в одного из многочисленных врагов-вигов.

Список литературы:

1. Hill B. W. The Growth of Parliamentary Parties 1689-1742: Essays Presented to Jeffrey Holmes / Hill B. W. – Hamden: The Shoe String Press, 1976. – 265 p.
2. Dickinson W. C. The Sword of Gold: Sidney Godolphin and War Finance, 1702-1710 // Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies. Vol. 6, No. 1 (Spring, 1974). P. 12.

3. Select Documents for Queen Anne's Reign down to the Union with Scotland. 1702-1707 / Ed. by Trevelyan G. M. - Cambridge, Cambridge University Press, 1929. - 251 p.
4. The Marlborough-Godolphin correspondence, in 3 vols. / ed. by H. L. Snyder - Oxford: Clarendon press, 1975. P.
5. Comprising the period from the accession of queen Anne in 1702, to the accession of king George the first in 1714 : vol. 6 // Cobbett's Parliamentary History of England from the Norman Conquest, in 1066, to the Year 1803 / ed. by W. Cobbett. London, 1810. – London: T. C. Hansard, 1810. – 1370 p.
6. Gregg E. Queen Anne. / Gregg E. - London: Routledge and Kegan Paul, 1980 – 496 p.
7. Ивонина Л. И. Парламентский суд над герцогом Мальборо: правда или фальсификация? // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2012. №2. С. 50
8. Ивонина Л. И. Герцог Мальборо. Жизнь знаменитого полководца и политика на фоне его эпохи. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 473 с.